

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Казахстан)
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Россия)
Жешувский университет (Польша)
Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова (Украина)
Балтийская международная академия (Латвия)

РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ
XIX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Сборник научных статей

Том II

Астана 2016

УДК 80/81
ББК 81.2 Рус
Р88

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Доктор педагогических наук, профессор
Доктор филологических наук, профессор
Доктор филологических наук, профессор
Доктор филологических наук, доцент
Доктор филологических наук, профессор
Доктор филологических наук, профессор
Доктор филологии, профессор
Кандидат филологических наук, доцент

А.А. Молдажанова (Казахстан)
К.Р. Нургали (Казахстан)
Ш.К. Жаркынбекова (Казахстан)
Ж.А. Джамбаева (Казахстан)
И.П. Лысакова (Россия)
Е.Н. Степанов (Украина)
Э. Архангельская (Латвия)
М. Дзедзиц (Польша)

Ответственный редактор: доктор филологических наук, профессор К.Р. Нургали

Ответственный за выпуск: доктор филологических наук, доцент Ж.А. Джамбаева

Р 88 РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ: Сборник научных статей XIX Международной научной конференции (г. Астана, Казахстан, 22-24 сентября 2016 года). – В 2-х т. – Т. 2. – Астана, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2016. – 443 с.

ISBN 978-601-301-782-2
ISBN 978-601-301-783-6

Сборник включает тексты докладов участников XIX Международной научной конференции «Русистика и современность», посвященных актуальным проблемам изучения и функционирования русского языка в иноязычном окружении, специфике языковых процессов в современном мире, вопросам переводоведения, текстоведения и компаративистики. Особое внимание уделено современным концепциям, новым технологиям и методикам в обучении и преподавании русскому языку и литературе, а также роли классической и современной литературы в мировом культурном и образовательном пространстве.

Сборник материалов конференции адресован филологам-русистам, преподавателям русского языка и литературы, студентам, магистрантам, докторантам филологических специальностей, а также всем интересующимся вопросами русского языка и литературы.

Во 2-й том вошли материалы по направлениям «Новые подходы к методике обучения и преподавания русского языка и литературы», «Лингвистический и литературоведческий анализы художественного текста».

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 80/81
ББК 81.2 Рус

ISBN 978-601-301-783-6
ISBN 978-601-301-782-2

© ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

**МИКРОСЮЖЕТ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩАЯ ЕДИНИЦА МИФОПОЭТИКИ
ПОВЕСТИ САТИМЖАНА САНБАЕВА «БЕЛАЯ АРУАНА»**

Джолдасбекова Б.У.
Казахский национальный
университет им. аль-Фараби,
Алматы, Казахстан,
baiyan.zholdasbekova@kaznu.kz

The author of article gives the analysis of features of creation of microplots in S. Sanbayev's story «A white aruana», reveals their role in realization of author's idea. In her opinion, reception of «threading of a beads on the general thread» allows the writer to show possible outcomes of destiny of heroes.

Key words: *microplot, reception «the beads strung on a thread», a metaphor of national consciousness.*

Одной из «болевых точек» современной филологии является недостаток современных инновационных моделей профессиональной подготовки учителей литературы, что закономерно ведет к нехватке в школе и вузе молодых преподавателей, обладающих как необходимыми знаниями и навыками литературоведа и педагога. Для этого необходимо изменить технологии и методы обучения филологов, научить их самостоятельно приобретать навыки творческой самостоятельности, овладевать приемами и способами критического мышления, быть толерантными и интерактивными, то есть открытыми к взаимообщению. В пределах данной статьи рассмотрим возможности нового подхода к анализу и интерпретации художественного текста, что является приоритетным в работе преподавателя со студентами, и уделим внимание частной проблеме исследования функций микросюжетов в повести Сатимжана Санбаева «Белая аруана», названной Дюсенбеком Накиповым «метафорой национального сознания и литературы казахов» [1: 5].

Обращение к сюжету повести позволит нам понять замысел писателя, ибо, по мнению О.М. Фрейденберг, «то, что рассказывает сюжет своей композицией, то, что рассказывает о себе герой сюжета, есть мировоззренческое реагирование на жизнь» [2: 299].

Сатимжан Камзаулы Санбаев, известный казахский прозаик, драматург, публицист, переводчик и киноактер, в одном из интервью признается, что он родился писателем: «Сработали гены и среда, в которой рос. Большинство моих дедов были степными биями, ораторами, златоустами» [3: 12]. Он вошел в литературу в конце 1960-ых годов - в благодатное для казахских писателей время оттепели, когда и общество, и искусство получили свободу, которая придала творчеству художников мощный импульс. В Казахстане, как и во всем СССР, появилась целая плеяда талантливых режиссеров, писателей, живописцев. Ломая устои советской литературы и искусства, достаточно политизированного и поэтому обезличенного, шаблонного и ложно пафосного, шестидесятники обратились к национальной истории и культуре, быту, традициям и повседневным будням своего народа. Молодой писатель оказался в одном ряду с Олжасом Сулейменовым, Ануаром Алимжановым, Булатом Джандарбековым, Бахытжаном Момыш-улы, Ролланом Сейсенбаевым, Мухтаром Магауиным, Абишем Кекильбаевым, обратившимися к древней и средневековой истории казахов, полной мифов, легенд и «белых пятен», так долго ждавших своего исследователя. Именно это обстоятельство стало первопричиной обращения Санбаева к жанру «повестей кочевья». Писатель, по его собственному признанию, «вырос в мире сказаний, легенд, рассказов о биях, батырах, конях, битвах», среди обломков старой традиционной культуры традиционного казахского кочевья – легендарного, романтического, с эпическим образом жизни великих степняков. Отголоски ушедшей художественной и

материальной культуры, богатая многоголосая особая речь и своеобразное философское мышление кочевников позволили молодому писателю создать своеобразный цикл о кочевом быте, протекавшем на лоне дикой природы. Его герои живут особой жизнью, говорят на языке вольных кочевников, их образ мыслей – особый, также как и видение мира.

«Белая аруана», написанная в 1969 году, стала первой повестью из этого цикла [4: 286-304]. Фильм «Там, где горы белые», снятый в 1973 году Виктором Пусурмановым по этой повести, был запрещен на долгие 15 лет. В этой картине-притче власти увидели намек идеологического характера. В это время началась эмиграция немцев, евреев из СССР. Побег слепой верблюдицы с неокрепшим верблюжонком на родину стал своего рода символом-предостережением.

Заглавие первой повести необычно – «Белая аруана». В нем слышится что-то лирическое, нежное, щемящее сердце. Тема родины – определяющая движение авторской мысли. Писатель признавался, что когда писал эту повесть, вспоминал свои детские годы, родной поселок нефтяников Макат, где в войну был лагерь ссыльных литовских женщин, строивших узкоколейку в Кульсары (нынешний Тенгиз). Все они были непростого происхождения, знали языки, и охранники грозились: «Мы сделаем из вас пролетариат». Дети, среди которых был и сын учителя Сатимжан Санбаев, кидали через проволоку хлеб, все, что могли. Но больше половины из 900 женщин осталось лежать в казахской земле. Позже писатель Санбаев пытался в архивах найти сведения об этих лагерницах, но безрезультатно. Тогда он решил оставить о них на земле память, продолжение того отношения, которое было в том казахском поселке: добро, сострадание и соучастие казахов ко всем ссыльным, эвакуированным, несчастным. Такова предыстория появления этой повести.

Если рассматривать заглавие этой повести через призму традиций казахской, русской и мировой классики, то можно выстроить следующую параллель: «Коксерек» Мухтара Ауэзова, «Белолобый» Льва Толстого, «Белый Бим Черное ухо» Г. Троепольского, «Белый клык» Джека Лондона и др. Но ближе к ней повесть другого казахского писателя-романтика Оралхана Бокеева, который в семидесятых годах пишет повесть «Человек-Олень» (на русский язык ее перевел Анатолий Ким). По мнению Вл. Личутина, «мотив бокеевской прозы несколько печален и постоянен, и тем усилено ее воздействие: одинокий человек, одинокая юрта, одинокая гора, над нею солнце, и постоянно ждущая хозяина, верная ему одинокая лошадь» [5: 317]. С нашей точки зрения, налицо связь бокеевского «Человека-Оленя» с санбаевской повестью, где белая аруана (и ее хозяин) постоянно находятся в состоянии одиночества, ожидания и готовы на действие.

В «Белой аруане» главная героиня – верблюдица также одинока в своем постоянном стремлении обрести потерянную родину и поэтому стала, как считает Д. Накипов, лучшей метафорой нашего национального сознания и литературы. Чтобы понять санбаевскую повесть, русскоязычному читателю необходимо осмысление слова аруана. Автор и издатели предусмотрели эту проблему и обычно объясняют семантику этого слова в «Примечаниях», данных в конце книги (текста, сборника и т.п.): «*Аруана (каз.) – одногорбая верблюдица. Славится высоким надоем и привязанностью к родным местам*» [4: 311]. Но, по нашему мнению, читателя первоначально завораживает звучание слова (обилие гласных звуков, трехкратно повторившийся звук а; у, оказавшийся в срединной позиции, создает своеобразный «звукораздел», волей-неволей голос делает акцент на этом звуке). Даже поверхностное знание тюркских языков, в первую очередь, казахского языка, позволяет «увидеть» вторую часть слова «ана» (хорошо известное и понятное евразийскому читателю) и понять, что речь идет о высоком, чистом, извечном. Эпитет «белая» способствует созданию мифа о святости и чистоте помыслов этой героини.

Сюжет этого произведения посвящен вечному движению к мечте белой верблюдицы – аруаны, стремящейся убежать на родину. Это действительно лирический рассказ о свободе и

неистребимом чувстве родины, которое живет на генном уровне и требует действия и жертвенности. Повествование в ней двупланово, и это оправдано глубокой убежденностью автора, а вместе с ним и героев, что жизнь человека неотделима от мира природного, поэтому органическое пребывание кочевника, его мировосприятие вызывают ощущение цельности.

Сюжет санбаевской повести создан особым образом. Внешне он построен как калейдоскоп историй, то есть писатель использует прием «бус, нанизанных на нитку» общего повествования. Эти микросюжеты-«бусины» образуют смысловые блоки, каждый из которых может быть рассмотрен как самостоятельная история. В то же время все они строятся по общей композиционной схеме, обозначая движение аруаны и Мырзагали к цели. При этом они представлены как относительно независимые сюжеты, дающие разные исходы судеб героев. Но в то же время сочетание и переплетение, так называемая «рифмовка» этих микросюжетов позволяет составить ясное представление о сути конфликта и путях достижения героями своей цели и мечты.

Действие в повести начинается стремительно – с исчезновения белого верблюжонка, которого старик Мырзагали привез из Мангыстау неделю назад к себе в Макат. Авторская речь нейтральна, повествует о действиях старика, потерявшего на седьмой день верблюжонка, описывает предметы, детали, события внешней, видимой материальной жизни людей. Местами автор уступает место своему герою, и несобственно-прямая речь становится продолжением авторской речи. Переход еле заметен, почти неразличим, нет изменений в лексике. То есть субъекты речевых структур – автор и его герой – носители одной точки зрения, схожего мироощущения. Поэтому как отличительную черту стиля повести можно отметить наличие контаминации (смешения, соединения) в пределах одного предложения: *«Старик посетовал на то, что аул не имеет своего пастуха. Хотя верблюдов у них гораздо больше, чем у других»* [4: 286].

Возникшая в самом начале повествования микротема – потеря и поиски приручаемого животного – будет постепенно вбирать в себя другие микротемы, которые в финале обретут окончательное, почти трагическое завершение. За свою короткую жизнь верблюжонок, через год превратившийся *«в рослого, красивого тайлака – белого с ног до головы, с длинными ногами, длинной шеей и огромными, обрамленными густыми ресницами, черными глазами»* [4: 289-290], а через два – в *«высокую белую верблюдицу с быстрыми, несколько беспокойными движениями»* [4: 295], несколько раз пытается исполнить свою мечту вернуться на родину. Микросюжеты, посвященные описанию погони, борьбы старика с тайлаком, аруаной наполнены внутреннего драматизма, действия животного очеловечены, одушевлены, наполнены страданием, болью. Автор по-мужски скуп, но то же время при помощи выразительных психологических деталей показывает трагедию героев и сострадание глубоко несчастного человека такому же несчастному, как он сам, существу.

В первом микросюжете старик деятелен, обыскал все окрестности, беспокоится, что «белый верблюжонок – видный издали и не опытный» станет добычей волков, радуется, когда находит его *«на четвертый день поисков в одном из аулов близ Кульсары, верстах в ста с лишним от Маката»* [4: 287]. Выразительная авторская ремарка-уточнение: «Верблюжонок, без сомнения, направлялся в Мангыстау, на свою родину» – является, с нашей точки зрения, кульминационной в этом сюжете о свободе. Разрешением этой сюжетной линии – первого побега на свободу – можно считать реплику из внутреннего монолога старика, который жалеет верблюжонка: *«...твоей матери ведь нет, и тебя, быть может, подарили мне, чтобы не слышать твоего плача. Разве я согласился бы взять тебя, если бы она жила?.. Глупый...»* [4: 287].

Несмотря на то, что на первом плане – жизнь и судьба верблюдицы, а жизнь старика дана эскизно, в экскурсах и отрывочных воспоминаниях, в повести о белой аруане представлена подробная «история человеческой души», полная внутренней трагедии.

Главное действующее лицо и герой этого сюжета – Мырзагали, судьбу которого изломала война. До войны он занимался самой мирной романтической профессией – был одним из лучших бурильщиков на нефтепромысле, перед войной женился, дочь Макпал родилась после его ухода на войну. Вернулся в сорок шестом, узнал об измене жены («...и людям стало неловко, словно это они виноваты в том, что его жена в конце войны сошлась с Шолаком»), но не ушел от нее из-за дочери и из-за своей тайны: «В тот год, когда он вернулся с войны, Макпал было пять лет, она знала лишь мать. Он не мог забрать ее от матери, не мог и оставить. Многие в Макате осуждали его за то, что он остался с неверной женой, что не выгнал ее из дому или не ушел сам. Но никто из них не знал, что у него после ранения никогда больше не будет детей» [4: 290]. Драма человека, осознающего, «что сложилась его жизнь не так, как надо бы», показана на фоне обыденной жизни.

Следующий микросюжет, связанный со вторым побегом тайлака, вписан в повседневный быт Мырзагали и окружающих его людей. В размеренном ритме жизни аула особо выделяются взаимоотношения трех героев, волею обстоятельств оказавшиеся связанными любовным треугольником: сам Мырзагали, его сосед Шолак, человек, нанесший ему смертельную обиду, некогда, до войны, бывший другом, и жена Асима, выглядевшая моложе и крепче Мырзагали, которая «...и сейчас оставалась привлекательной. От старика, моложе которого она была всего на год, ее отличала и медлительность: она, казалось, задумывалась над каждым своим движением, шагом. За этой медлительностью и не уходящей красотой чувствовалась сила, та женская безудержная сила, с которой бог знает как она справлялась. И Мырзагали, видевший все это, жестоко мучился, то впадая в отчаяние, то снова выбираясь из пропасти» [4: 293].

Скрытая от любопытных глаз драма двух сильных духом людей становится лейтмотивом второго плана повествования и приобретает трагическую окраску на фоне укротимого желания аруаны вернуться в свои родные края. Показателен финал второй погони: когда старик догнал его, «тайлак впервые закричал. Он закричал тонко и жалобно, и старик вздрогнул от этого душераздирающего крика и задергал поводок, чтобы сбить плач. Но тайлак не унимался. И Мырзагали прыгнул на землю, обнял его за шею и тоже заплакал» [4: 293]. Плач животного и сопереживающего человека символичен, является своего рода метафорой слияния родственных душ: герой раскрывается с совершенной другой стороны благодаря этой осознанной сопричастности старика с его трудной, изломанной войной судьбой, и белой аруаны с заложенной на генном уровне памятью о родине.

Под влиянием происходящих событий Мырзагали, пытавшийся всю свою «долгую и скучную жизнь» не показывать «свою ненависть нигде и никому», начинает свое трудное возвращение к людям. Он смог простить людям и свое постыдное ранение на войне, и измену друга и жены, и то, что сделали с его любимицей белой аруаной после второго побега. Сюжет о ее жизни среди людей полон внутренней драмы, напряжен, как натянутая тетива, в нем преобладает одна мысль: белая аруана живет своей, особой жизнью. Она «не привязалась к Мырзагали и Асима, сколько они не ухаживали за ней. Белая верблюдица, казалось, вообще не любила людей» [4: 297]. Тяжело пережила людскую несправедливость, когда Асима, воспользовавшись отсутствием мужа, ради приплода согласилась ослепить аруану (она не допускала к себе двугорбого самца). Но, увидев состояние верблюдицы, боясь к тому же гнева своего старика, она испытывает потрясение: «Неизведанное смешанное чувство гадливости и стыда охватило Асиму» [4: 299]. Появившийся на свет бело-серый двугорбый верблюжонок стал на время ее поводырем: «Ходила она плавно, несмотря на слепоту, и издали казалось, что за маленьким верблюжонком плывет белое невесомое облако» [4: 300].

Финал этого сюжета трагичен, автор передает нарастание внутреннего напряжения Мырзагали, хорошо знающего свою белую аруану: старик ждет от нее действий. С. Санбаев вводит в повествование емкую метафору, которая символизирует зов родины – «ветер

страны причудливых гор, которую она помнила». (По ассоциации вспоминается поэтический образ емшана, заставившего героя Мориса Симашко Бейбарса бросить все на чужбине и вернуться на родину). Точно также поступает белая аруана: она в третий раз пытается осуществить свою мечту и пускается в этот опасный для нее путь вместе с верблюжонком: *«Неизвестно, что помогало ей безошибочно выбирать дорогу. То ли долгими месяцами вязала она в памяти этот кратчайший, но опасный путь через солончаковые озера, то ли вел ее могучий инстинкт»* [4: 302]. (Чувствуется сопереживание не только старика, прекрасно понимающего животное, но и автора, то есть здесь мы наблюдаем слияние авторского голоса и несобственно-прямой речи персонажа). Действие во имя достижения цели требует от нее жертвенности, поэтому она отрекается от верблюжонка, прилипшего к ней (*«Мгновение длилась борьбы аруаны с самой собой: она схватила верблюжонка за шею, приподняла, отшвырнула прочь»*). Кульминационный момент – смерть белой аруаны в полете: Мырзагали видит, что слепая аруана ошиблась, «взяла влево», пытается ей помочь криком. *«Но белая аруана уже повисла в воздухе, перебирая ногами. Беззвучно и легко, словно все еще продолжая бег, она исчезла в глубоком овраге»* [4: 303].

В этом небольшом по объему повествовании (всего – 19 страниц) можно обнаружить множество историй, каждая из которых может стать основой нового сюжета. Один из последних микросюжетов – возвращение домой потерявшего мать верблюжонка: *«...впереди лежала его родина, лежал аул, где он родился, и куда он будет убежать отовсюду, как и его мать, которая всю жизнь добиралась до Мангыстау»* [4: 304].

Поэт и писатель Дюсенбек Накипов назвал Сатимжана Санбаева писателем времен «затмения литературы», который *«воспринимается, словно Белый Нар, гордый и вольный, всегда готовый прийти на помощь людям, защитить священное поле нашей духовности и культуры. А книги его – гарантия того, что и к нашим потомкам перейдет неистребимый ген свободы и справедливости, который во все времена требует от нас жертв и действия. И терпения»* [4: 7]. Сатимжан Санбаев достиг в своей повести главного – сумел вложить в образ белой верблюдицы философскую мысль о самом ценном в жизни человека.

Известно, что и в мифологии, и в народном творчестве животное является своего рода зеркалом самосознания человека, его совестью, позволяющей определить его гуманное и ответственное отношение ко всем созданиям макрокосмоса. Образы животных в казахской литературе, как и в любой другой, раскрывают новые подходы к истолкованию поведения человека и этических принципов, формирующих его как личность. Думается, что в интерпретации С. Санбаева, белая верблюдица – аруана есть его открытое «чувствилище» мироздания, его самая уязвимая, самая нежная часть. Своей чувствительностью, памятью она превосходит даже человека, но, в отличие от человека, она не защищена цивилизацией. Мифологема аруаны – верблюдицы используется Сатимжаном Санбаевым в качестве сюжетобразующего элемента, который позволяет писателю полнее и многограннее выразить свои нравственно-философские и эстетические взгляды.

С. Санбаева как писателя XX века, писавшего о давно прошедшем, но сохраненном в памяти народа, интересует не столько событие, сколько реакция героя на это событие, «духовная сторона жизни степняков», поэтому он широко вводит в свои сюжеты мифы и мифологические элементы. Функции мифологемы верблюдицы ощущаются на всех уровнях повествования, начиная с заглавия его повести. В «Белой аруане» было нечто особенное, несвойственное казахской прозе того времени. Это было заявлено уже в названии, напоминающей скорее заглавие поэмы или лирического стихотворения. Произведение по жанру определяется как повесть, хотя напоминает скорее лиро-эпический рассказ о прекрасной белой аруане и о судьбе ее хозяина Мырзагали. Параллельно развивается характер Мырзагали: автора интересует судьба старого человека, а не история из его жизни. Сходство судеб этих двух героев проявляется и на уровне стиля: писатель использует поэтические инверсии, которые напоминают напевность лиро-эпического жанра толгау, его

ритм. Повторы, начинающиеся с эпического предлога «и», напоминают лирическое повествование сказителя, создавая в повести настроение необратимости бытия всевластия его вечных законов. Даже материнство не остановило аруану перед ее первоначальным инстинктом – желанием вернуться в родные для нее места.

Санбаев изображает не просто верблюдов, а ослепленную людьми аруану и верблюжонка. Важно изображение психологии верблюжонка-ребенка, который боится, что гонимая могучим, пока ему непонятным инстинктом, мать может заблудиться (она ослеплена). Повествователь наблюдает за драмой верблюжонка и старика, от которых уходит аруана. Старик отпускает ее, он проникается ее болью. Через нее мы воспринимаем и его трагедию. Аруана – «белая», цвет добра, цвет чистоты и справедливости в народном фольклоре. Обращение к истоку народного мировосприятия, к мифам позволяет понять вечные ценности этой жизни.

Литература:

1. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1977. – 449 с.
2. Накипов Д. Белая аруана //Санбаев С. Белая аруана. – М.: Русская книга, 2003. – С.5-7.
3. Санбаев С. Я не признаю власть...//Свобода слова.– 2009.– № 38.– С. 11.
4. Санбаев С. Белая аруана. – М.: Русская книга, 2003. – С.286- 304.
5. Личутин Вл. Между небом и землею...//Бокеев О. Человек-Олень: Повести. – Алматы: Жазушы, 1987. – 317 с.

НОВАТОРСТВО С.А. ЕСЕНИНА В СТИХОСЛОЖЕНИИ

Жумсакбаев А. Т.

*Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан,
aman.zhumsakbaev.91@mail.ru*

This article discusses the creation of S. A. Esenin. The poetry has been shown as the harmonious «alloy» folk traditions and new trends. Particular attention was paid to Esenin's discoveries in versification. Article refers to the works of respected scholars such as L.L. Bel'skaya, L.V. Sharapova etc.

Key words: *Esenin, folklore, verse forms, innovation.*

Говоря о новаторстве Есенина, мы, прежде всего, подразумеваем новаторство, выраженное через фольклор. Фольклор оказал сильное влияние на мировосприятие и миропонимание поэта. На всем творческом пути поэта фольклорные традиции и литературные тенденции неразрывно шли вместе. Заглянув в сердце народного творчества, Есенин всем своим талантом и словом не устал призывать писателей и поэтов погрузиться в фольклор, не боясь показаться подражателями. Он писал: «...мы можем показаться неопытному глазу талантливыми отобразителями этих пройденных до нас дорог. Но это будет просто слепотой неопытного глаза» [1: 149].

Именно фольклор помог Есенину сформировать идею «органического образа», а потом доказать ее на практике в своих стихотворениях. Однако новаторство Есенина заключается не только в его образности. Ритмика поэта также своеобразна и требует детального изучения. У Жубана Молдагалиева в стихотворении «Читая Есенина» (1972) есть такие строки:

*Люблю, Сергей, я стих певучий твой,
Который так легко и плавно лился [2: 76].*

	сертификационный уровень).....	190
Таирова Н.А., Джубанова Г.Д. Темирова А.А.	К проблеме повышения мотивации при обучении русскому языку в неязыковом вузе.....	193
	Актуальность адаптационного периода для учащихся национальных школ при изучении русского языка по программе для общеобразовательных школ.....	197
Токатова Л.Е.	«Профессиональные ориентиры учителя» как инструментальной организации самостоятельной работы на уроках литературы..	201
Хамидова А.Х., Токсанова С.К.	Художественный текст в культурологическом аспекте.....	206
Хамитова Р.К.	Формирование функциональной грамотности школьников.....	211
Шерстобитова И.А.	Методика концептного анализа в обучении русскому языку и литературе инофонов и соотечественников за рубежом.....	214
Юсупова З.Ф.	Актуальные вопросы подготовки учителей русского языка и литературы: вызовы современности.....	219

Секция V.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Абишева С.Д.	Сравнительный анализ поэтических текстов.....	223
Авдониная М.Ю., Никитин С.А., Чинция де Лотто Аманбек Р.	Новые формы подачи литературного текста: творчество В.Т. Шаламова в рамках формата «Велоночь».....	227
Асан А.К.	Мотив дома в произведениях В. Распутина «Прощание с Матерой», «Изба».....	232
	Модернестические черты в романе Анатолия Кима «Радости рая».....	236
Ауэзова А.Т. Буянова Л.Ю.	Роль народной лексики в поэзии С. Есенина.....	240
	Эмотивность и эмоциогенность художественного текста как его ключевые параметры.....	244
Власова Г.И.	Казахстанский культурный текст в современной литературе...	248
Габдуллина В.И.	Формирование «казахского текста» в русской литературе.....	254
Гаджизаде Л.	Контрасты в «Святом колоде» Валентина Катаева.....	258
Гладкова Р.Я.	Однородные неоднородности в описательных фрагментах произведений К.Г. Паустовского.....	262
Джамбаева Ж.А., Толемысова К.М.	Паремическая составляющая повестей А. Кекильбаева и особенности ее перевода на русский язык.....	265
Джолдасбекова Б.У.	Микросюжет как сюжетобразующая единица мифопоэтики повести Сатимжана Санбаева «Белая аруана».....	270
Жумсакбаев А.Т.	Новаторство С.А. Есенина в стихосложении.....	275
Загидуллина А.Р., Зыховская Н.Л.	Философия жизни и смерти в романе А. Нотомб «Гигиена убийцы».....	279
Исина Н.У.	Пейзаж в романе Г. Бельгера «Дом скитальца»: поэтика образа-пространства.....	284
Калауова А.Ж., Азкенова Ж.К.	Мотивы дома в произведениях А.П. Чехова.....	288
Канафина М.А.	Природа художественного конфликта в творчестве Д. Исабекова.....	292
Кривошапова Т.В.	Интерпретация форм отражения ментальности в современной казахстанской литературе.....	297
Кулумбетова А.Е., Жумабай Г.	Раскрытие фабулы в системе рассказа В.М. Шукшина «И разыгрались же кони в поле...».....	302
Локтионова Н.П.	Своеобразие прозы Сергея Довлатова (из опыта анализа повести «Заповедник»).....	309

Мамраев Б.Б.	<i>Национальная картина мира и концепт памяти в творчестве Ч. Айтматова</i>	313
Маркина П.В.	<i>Мифопоэтика путевых очерков В.Я. Шишкова «По Чуйскому тракту»</i>	318
Махачадзе Ш.Н., Каджая Н.Ш.	<i>Проблема национального характера в диалоге культур</i>	323
Нургали К.Р.	<i>Professional approaches in the tradition of critics</i>	326
Нургали К.Р., Кишкенбаева Ж.К.	<i>Нарратор и образ в художественной прозе</i>	330
Оразбаева Н.С.	<i>Этнолингвистический и грамматический аспекты анализа употребления казахских слов в творчестве Л. Мартынова</i>	337
Поляк З.Н., Поляк Д.М.	<i>Литературоведческий комментарий как вариант анализа лирического текста</i>	341
Потыраньска А.	<i>Стою над могилой, /где спит дерзновение... – лирический герой стихотворения Зинаиды Гиппиус перед лицом inferнальных сил</i>	345
Рахметов О.Э.	<i>Хронотоп больницы в прозе М.М. Зоценко</i>	350
Савельева В.В.	<i>Урючный сад и вишнёвый сад: казахская парадигма вечного сюжета</i>	354
Самотик Л.Г.	<i>Этносы и субэтносы Приенисейской Сибири в пространстве русского художественного текста (на материале «Царь-рыбы» В.П. Астафьева)</i>	358
Сафронова Л.В.	<i>Эмиграция как инициация</i>	365
Столярова И.В.	<i>Авторизация в художественном дискурсе Дины Рубиной</i>	372
Строев А.Ф.	<i>Руссо, Вольтер и «богоподобная царица Киргиз-Кайсацкия орды»</i>	376
Султанова Х.Р.	<i>От мифа к современной поэзии (на основе природного культа – стихия воды)</i>	385
Сыздыкбаев Н.А.	<i>О повести «Белое облако Чингисхана» Чингиза Айтматова</i>	390
Треблер С.М.	<i>О культурной значимости феномена воспроизводимости в тезаурусе языковой личности</i>	394
Тусупова А.К., Абаганова А.О.	<i>Художественный мир Д. Исабекова</i>	399
Умарова Г.С.	<i>Концепт «гражданин» и его литературное бытие в русской и казахской литературах</i>	404
Худенко Е.А.	<i>Образ Азии в «сибирском дневнике» М.М. Приивина</i>	410
Шарипова Г.А.	<i>Герой как пророк. К поэтике образа героя-пророка в литературе</i>	414
Шашкина Г.З.	<i>Онейропоэтика романа М. Ауэзова «Путь Абая»</i>	419
Шашкина Г.З., Джамбаева Ж.А.	<i>Образ главного героя в романе Чингиза Айтматова «Когда падают горы («Вечная невеста»)»</i>	427
Наши авторы	431
Содержание	439

